18+

С. С. Попов

Хуткая боль ніцца

Сергей Попов

Жуткая больница. Фантастическая повесть с ужасами медицины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507403
ISBN 9785005068668

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Необычные происшествия происходят в районной больнице. Загадочные смерти и чудесные исцеления ставят в тупик врачей. Никто не может понять причину этих жутких трагедий.

Содержание

Глава 1. 7
Глава 2. 13
Глава 3. 24
Глава 4. 35
Глава 5. 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Жуткая больница
Фантастическая повесть
с ужасами медицины

Сергей Попов

Иллюстратор Алена Яковлева

© Сергей Попов, 2019
© Алена Яковлева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6866-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попов Сергей Степанович – профессор РАЕ, кандидат медицинских наук. Врач-стоматолог-ортопед высшей категории. Стаж работы по специальности – более 45 лет. Директор сети стоматологических клиник. Эксперт по стоматологии. Автор около 100 научных статей, 4 изобретений и 60 рационализаторских предложений, множества публикаций по стоматологии и коррупции в медицине.

Автор более тридцати художественных и научно-популярных книг. Член Союза Журналистов России.

Глава 1.
Начало

События эти произошли давно в одной из районных больниц. Очевидцы рассказывали, что до сих пор не могут понять, было ли это на самом деле или плод их безудержных фантазий. Дело в том, что в послеоперационной палате у прооперируемых больных стали твориться необъяснимые явления. Хирурги обнаруживали на перевязке исчезновение всех наложенных швов, куда-то девались резиновые ирригаторы или резиновые выпускники и это при том, что послеоперационная повязка была в полной сохранности и не было видно, чтобы ее кто-то снимал. Да и больные не могли ничего объяснить. Ничего они ночью не чувствовали, спали крепко после операции и никаких болевых ощущений не испытывали.

Только некоторые больные могли вспомнить, что кто-то ночью их как бы душил, давил на живот, наваливался какой-то тяжестью, но все эти неведомые действия причислили к послеоперационному периоду, когда больной отходит после операции и ничего еще толком не соображает. Пробовали освятить все палаты хирургического отделения. Священник ходил с зажженной свечой по всему отделению, прыскал вокруг святой водой, свечи и у священника и присут-

ствующих горели ровным светом и только в одной палате, где обычно помещали тяжелых послеоперационных больных пламя начинало трепетать, потрескивать, что прямо горящие искорки разлетались вокруг.

– Здесь, где-то прячутся темные силы, – пробормотал поп, – бродит чья-то неприкаянная душа, не дает людям исцеляться. У вас никто из врачей не умирал странной смертью в последнее время? – спросил священнослужитель.

– Был, один такой, – с волнением в голосе произнес заведующий отделением, но он повесился еще пять лет назад. Давно это было. Неужели, все напасти от этого хирурга.

– А от кого же еще, – священник посмотрел с удивлением на него, – его душа колобродит, нет ей покоя на земле, а небо видать не принимает. Много грехов совершил он в своей жизни, вот и мечется, пытается вам помочь, да видно не всегда получается. Вы же сами говорили, что больные ваши оказывались без послеоперационных швов, хотя никто из ваших врачей их не снимал.

– Так, что нам делать? – спросил хирург, – ждать, когда он придушит какого-нибудь больного? Этого еще нам не хватало.

– Ждать долго не надо. Повесьте вот эту икону Святого Пантелеймона, покровителя всех врачей. Желательно зажечь свечку перед иконой, но я понимаю, что в больничном учреждении это недопустимо. Противопожарная безопасность.

– Ну, днем еще можно зажечь. Сестры отделения присмотрят за свечкой, а ночью будем тушить, – пообещал заведующий, – другого выхода я и не вижу.

– Слышал я от своих коллег, священнослужителей, что появляется «черный хирург» в больнице, в образе грешного врача, но никогда бы не подумал, что мне придется встретиться с этой нечистой силой.

Дав последние рекомендации, священник отбыл к себе и оставил в полном недоумении врачей хирургического отделения. Икону Святого Пантелеймона они повесили в укромном месте одной из палат, зажгли перед ней свечку и стали ждать новых событий. Они не замедлили случиться.

Буквально через несколько дней у больного делали операцию по поводу язвенной болезни желудка с кровотечением. Больного еле спасли, операция шла около четырех часов, сняли со стола больного и поместили в послеоперационную палату отходить от наркоза. Сам заведующий строго-настрого наказал постовым медсестрам глаз не спускать с этого больного и не спать ночью. Даже выделили специальную медсестру из реанимации, чтобы в случае чего могла оказать первую помощь. Дежурного врача по больнице предупредили, что в реанимации находится тяжелый больной и его надо обязательно смотреть, даже ночью.

Перед концом рабочего дня, больному вкатили двойную дозу снотворного и разошлись по домам. И вот, что рассказал дежурный врач.

«Стал я делать ночной обход по отделениям, посмотрел тяжелых больных в терапии, заглянул в гинекологию, детское отделение. Подумал, что в хирургическое отделение напоследок загляну. Подошел туда в два часа ночи, всё спокойно, сестры не спят, сидят в ординаторской чаи гоняют, все процедуры сделали, бодрствуют. Зашел в палату к вашему тяжелому больному. Всё спокойно, спит, аж храп идет. Повязка сухая, особо делать ничего не надо. Распорядился медсестрам смотреть за этим больным, а они и так всё знают, особо и напоминать не надо и ушел на скорую помощь, позвонили, что привезли какого-то непонятного больного. И где-то в три часа прилег на кушетке в санпропускнике. Тишина кругом. Немного вздремнул. Буквально через полчаса меня стали будить и со словами: «Беда, Иван Андреевич, в хирургии! Вставайте!» Накинул халат и бросился в хирургию, а там шум стоит по всему отделению и сестры с обезумевшими глазами носятся по отделению и ничего толком объяснить не могут. Но я понял, что случилось в этой реанимационной палате. Подхожу к ней, а тут прямо на пороге сгустки крови и кровью забрызгана вся палата, а сам больной лежит недвижимо посередине помещения, а у него все повязки сорваны и весь живот буквально разорван посередине. Нет ни одного шва на ране, всё открыто и петли кишок лежат на полу, как будто, кто-то насильно их тянул из живота. Картина ужасная!

Спрашиваю у постовой сестры, что случилось? Она ниче-

го не может ответить и только повторяет, что произошло это всё в ее отсутствие. Другие сестры тоже ничего не могут сказать, только одна и говорит: «Сидели мы в ординаторской, как вдруг нас внезапно всех сморил сон и очнулись от грохота в палате. Побежали туда, а тут такой погром! Кто-то в палате это всё натворил! И главное криков больного не слышали, а грохот услышали, такое впечатление, что больного просто трахнули со всей силы об пол, что все швы послетали».

Вызвали милицию. Наряд приехал под утро, но ничего не мог толком понять. Милиционеры ходили по отделению и только недоумевали: «Кому это всё понадобилось? Зачем больного убивать? Кому он был нужен?» Но под их картину происшедшего не подходила ни одна версия. Только дежурный следователь увидел следы крови на иконе и какие-то неясные подтеки. Было не понятно, как туда долетели брызги крови, если икона находилась в другом конце коридора. Вопросов было много, но ни на один из них не получено было ни одного ответа. Какая-то нечистая сила поселилась в хирургии, но почему раньше она так себя не проявляла. Ну, снимала швы, так можно сказать, что помогала хирургам, а тут попросту убила больного, да с такой жестокостью.

Труп больного увезли в судебно-медицинский морг, родным сказали, что смерть наступила от сердечного приступа, медсестрам было сказано, чтобы не распространялись об этом происшествии, но разве это можно было утаить?

На следующий день главный врач собрал внеочередную

планерку. Все хотели услышать рассказ дежурного врача, ведь он был самый первый, кто подошел к мертвому пациенту. А он никому не сказал, что среди окровавленных петель кишечника обнаружил окровавленную салфетку, пропитанную кровью, которую незаметно вытащил из кровавого месива и спрятал у себя в кармане. Такими салфетками пользуются хирурги во время операции и иногда бывает, по небрежности оставляют в брюшной полости.

Дежурный врач решил о своей страшной находке, пока никому не говорить. Ведь от этого зависела судьба оперирующих хирургов. В начале решил он посоветоваться со своим старым другом, заведующим хирургического отделения.

Глава 2.
Планерка у главного врача

К девяти часам утра у главного врача в кабинете собрались все врачи районной больницы. Ночное происшествие в хирургии будоражило сознание врачей. Никто толком не мог объяснить, что произошло, а единственный свидетель этого случая, дежурный врач молчал и не высказывался по этому поводу. Наконец собрались все и главный врач начал планерку.

– Я собрал вас по такому неприятному случаю, внепланово, потому, что обстоятельства дела требуют от нас принять какое-то решение, не ждать же снова, что произойдет в другом отделении. Хотел бы, чтобы наш дежурный врач рассказал всё, как было на самом деле. Прошу вас, Иван Андреевич.

– Я уже говорил, что в два часа ночи закончил обход в хирургическом отделении. Всё было спокойно. Где-то к четырем часа утра меня снова вызвали в хирургию и там я обнаружил и труп больного и беспорядок в палате. Сестры ничего не могут сказать. Говорят, что не спали, но момент, когда это всё произошло, они не могут вспомнить. Говорят, что прямо из памяти всё вышибло, какое-то затмение на них нашло, хотя утверждают, что на сон их даже не тянуло, а тут внезап-

но провалились куда-то и когда очнулись, то и увидели эту ужасающую картину. Меня сразу вызвали. Никого в отделении не было из посторонних. Двери были закрыты на засов и никто не мог проникнуть просто так в палату. Прямо мистика, какая-то.

– Неужели они ничего не слышали, – спросил главный врач и добавил, – а да, они говорят, что затмение на них какое-то нашло.

– Валерий Николаевич, сестры еще говорили, что незадолго до их затмения им показалось, что как будто из коридора чем-то подуло и запах необычный, как свежего ветерка, и они провалились в беспамятство, – добавил заведующий отделением.

– Сергей Иванович, а можно сюда пригласить дежуривших в эту ночь медсестер? Мы бы от них, может услышали какие-нибудь новости.

– Я их отпустил домой, они и так столько пережили, что толку от них мало, а завтра, когда всё немного успокоится, они, как говорится на свежую голову и всё расскажут.

– Да, так будет вернее, – задумался главный врач. – Сейчас разнесут по всему району, что у нас появились нечистые силы. Вы, говорите, что у вас и раньше случались удивительные вещи?

– Да, швы кто-то снимал под повязкой, катетеры убирал, да и прочие мелочи происходили. А вот как только освятили отделение, да повесили икону Святого Пантелеймона, так

всё и началось! Хотя всё должно быть наоборот, – заведующий хирургией помолчал и добавил, – может и не стоило освящать отделение? Не понравилось этим демонам или бесам, как там эту чертовщину кличут?

– Так и кличут. Но не верю я в эту чертовщину. Здесь где-то кроется разгадка, но мы ее не видим. Не мог же больной сам разорвать все накожные швы и вытащить из себя все кишки, – воскликнул анестезиолог Николай Иванович, – мы же ему вкатили двойную порцию снотворного. Он до утра никак не мог проснуться. Кто же его сбросил с кровати?

– Бросил, а может он сам проснулся и сорвал все повязки, – Валерий Николаевич с недоверием посмотрел на анестезиолога, – вот и вся разгадка. Ладно, подождем результаты судебно-медицинской экспертизы. Что они нам скажут. А сейчас не будем гадать. За работу, товарищи-доктора. И главное никакую нечистую силу сюда не приплетайте! Не наводите ужас на жителей нашего района. А вас, Иван Андреевич с Сергеем Ивановичем, попрошу задержаться на несколько минут. Остальные все свободны.

Врачи с шумом поднялись со своих мест, в кабинете остались сидеть трое человек. Главный проследил глазами, когда за последним врачом закрылась дверь в кабинет и обратился к Ивану Андреевичу.

– Ну, теперь рассказывай, что необычного ты увидел в палате. Я понял, что вы не договариваете при всех. Ну, а мне можете рассказать всё.

– Да, особенного ничего и не было. Дежурство, как дежурство. Сколько уж на моем веку было. Но одно, хочу заметить, что было всё, как-то не спокойно. Не знаю, как и объяснить.

– Ну, так и объясняй.

– Я этого больного посмотрел за два часа до этих событий, Лежал спокойно, спал, как младенец. Повязка сухая, живот мягкий, я не удержался, пропальпировал его немного. Ну, все спокойно. А вот какая-то чертовщина засела у меня в голове, а не могу объяснить.

– Какая еще чертовщина? – спросил главный врач, – вы случайно не пили в этот вечер? Я не осуждаю, просто для интереса.

– Да, ничего мы не пили, хотели, признаюсь, но тут всё так завертелось, больные пошли в приемный покой, просто не того было, то в одно отделение вызовут, то в другое.

– Ладно, ладно, не обижайся, – проворчал главный врач, – это уж я для проформы, знаю, что не пьешь. Я уже подумал, что не приснилось тебе, что либо, а тут вижу, что всё в порядке. Давай, дальше рассказывай!

Иван Андреевич, посидел, размышляя, не решаясь, сказать, что-то важное, потом решительно засунул руку в халат своего халата и вытащил оттуда небольшой полиэтиленовый пакет, где сразу было не понять, что и лежало, что-то краснело, неясных очертаний. Потом видно решился.

– Вот, смотрите, – и вывалил прямо на стол главного окровавленный тампон, – рядом с трупом нашел, среди кишок

валялся.

Врачи нагнулись к столу, долго всматривались в окровавленную находку и стали переглядываться между собой, а главный врач спросил.

– Где это ты, подобрал?

– Это, я в кишках нашел, еще до приезда милиции. Подумал, что не надо раньше времени им это показывать. Я думаю, что эту салфетку забыли во время операции. Не правда ли Сергей Иванович?

– Этого просто не может быть! – заведующий прямо подскочил со стула, – бригада операционная была опытной. Все инструменты и салфетки к концу операции все подсчитали. Этого просто не может быть. При мне всё пересчитывали. Я не оперировал, но зашел в этот момент в операционную. Никак не могли оставить.

– А, вот же оставили, – возмутился главный врач, – это же ЧП районного масштаба. Я уж не говорю о непонятном явлении в вашем хирургическом отделении. От чего это вдруг больной себе сам весь живот разворотил? Да, и как он смог? Он же спал, и просто теоретически не мог проснуться и сорвать с себя все повязки! Мистика, какая-то! Мне кто-нибудь сможет объяснить?

– Да, что тут объяснять? – Сергей Иванович, заведующий отделением, решил высказать свое мнение, – чертовщина какая-то получается! Всё вдруг внезапно заснули, а как только проснулись, ничего не помнят, а главное больной мертв

и никто ничего не знает! Тут надо разбираться. Может опять попа пригласим?

– Хватит нам попов, доосвящались! Я вот думаю, вернее, вспоминаю, мне еще в молодости говорили, что такие явления иногда происходят в больнице, если в каком-либо отделении происходит самоубийство одного из врачей! У нас в больнице никто добровольно из жизни не уходил? Вспоминайте. Коллеги. Я здесь главенствую уже почти десять лет, Иван Андреевич, чуть больше, а вы Сергей Иванович уже почти двадцать лет заведуете отделением. Может, припомните какой-нибудь суицид? А!

– Да, вроде ничего не было в мою бытность, хотя постойте, когда я приехал в эту больницу, еще совсем молодым врачом, мне рассказывали, что работал до меня хирург, так он вроде бы от несчастной любви повесился, но подробностей я не знаю, по молодости мне и неинтересно было. Ну, не может же быть, чтобы через столько лет его дух стал куролесить в хирургии. Хотя я уже ничему не удивлюсь. У меня работает в хирургии старая операционная сестра, она может, что расскажет…

– Так позови ее сюда. Только тихо, чтобы не поднимать панику среди персонала. Скажи, что надо посоветоваться насчет приобретения, э…, нового инвентаря в операционную, вот главный врач и просит небольшой консультации, как у опытной медсестры.

– Сейчас схожу в отделение, – заведующий хирургией

поднялся и ушел в отделение.

Главный продолжал вертеть в руках полиэтиленовый пакет со злополучной салфеткой и молчал, потом опять спросил у Ивана Андреевича:

– Вы, это точно нашли возле трупа? Может в палате завалялась?

– Точнее не бывает, – развел руками дежурный врач и добавил, – какая-то здесь кроется тайна, нам не понятная. Никто ничего не видел, а труп с развороченным животом посередине палаты.

В дверь тихо постучали. На пороге появилась операционная сестра. Она толком не могла понять, с какой это вдруг целью ее пригласил к себе главный врач, да еще просил, чтобы она его проконсультировала. За ней в дверях показался Сергей Иванович.

– Проходите, Мария Ивановна, присаживайтесь, – главный жестом указал на один из стульев, – мы вас пригласили с одной целью, чтобы вы рассказали, про тот случай с хирургом, повесившимся у себя дома. Вы, кажется, были невольным свидетелем его самоубийства.

– Да, пришлось, Валерий Николаевич. Как же это давно было! Я и была той самой подругой убиенного хирурга. Молодая была. Только с училища приехала и распределили меня в хирургическое отделение, а Иван Иванович, уже лет десять там работал и был вообще неплохим хирургом. Больные его очень сильно уважали, ну и я поддалась его обаянию, мо-

лодая, незамужняя, да и он был холостой. Вот у нас любовь и закрутилась, дело к свадьбе шло, а потом так быстро всё и закончилось. Повесился он, можно считать на моих глазах. Ни с того, ни с сего. Был человек и нет!

– А никаких странностей, вы за ним не замечали, Мария Ивановна?

– Как не замечали, еще как замечали. Был он никак все врачи в больнице. Делает обход в отделении, заходит в палату, а я рядом с ним с листками назначений ковыляю, и обращается к больным: «Ну, что агонируете, ребята?» Больные ему: «Агонируем, Иван Иванович, агонируем!» Это его дежурная шутка была. А то еще скажет: «Ну, что лечить будем или сам помрешь?» Это он считай на каждом обходе говорил и к нему больные давно уже привыкли.

– Что так прямо и говорил, – главный с недоверием посмотрел на операционную сестру, – сейчас за такие слова можно и жалобу получить.

– Нет, ему всё сходило. Больные его шибко любили. Он дневал и ночевал в отделении. Каждого больного выхаживал, сутками от тяжелых не отходил и я рядом с ним. А уж когда у нас любовь с ним приключилась, он меня в операционные сестры определил, чтобы я всегда с ним рядом была. Так и ездила с ним ночью по операциям! Хороший мужик был. А с чего вдруг повесился, я и по сей день не знаю, уже у меня внуки большие, а я никак не могу ничего понять.

– Может у него, что случилось в жизни? – спросил Иван

Андреевич, какое-нибудь событие, происшествие? Ну, мало ли, что в больнице происходит.

– Да, нет ничего особенного не было, хотя припоминаю, что раз у него случился неприятный случай во время операции, я только-только начала ему помогать в качестве операционной сестры. Делали простую аппендэктомию, всё прошло благополучно, подсчитали инструменты, салфетки, ну всё, как полагается, я тогда тоже была такой дотошной, да Иван Иванович меня всё время проверял, все время следил за мной. И оказалось, что впоследствии забыли одну салфетку в брюшной полости, кровило сильно, видно и не заметили. Только больной стало плохо на третий день, появились боли в животе. Раскрыли повторно живот, там ее и нашли. Больная тогда чуть не загнулась, кое как спасли. Мой Ваня сильно переживал по этому поводу. Всё никак не мог понять, как там оказалась салфетка, если он все лично считал. Ну, просто не могло ее там оказаться. А вот оказалась! Мы даже немного повздорили, но потом, как-то всё пришло в норму. Он мне потом всё жаловался, что не могли ее там оставить, но больная была очень толстой, жира много, может где и завалялась в животе, хотя несколько раз пересчитывали.

– Может неправильно посчитали, – подал голос заведующий, – вот и просчитались?

– Нет, я считала, да Иван Иванович считал, он еще всё в кучки заставлял меня складывать все салфетки. Ну, не могли мы ошибиться, хоть убейте меня! Я, кстати с той поры

все салфетки так и складываю и считаю. Это же ЧП для хирургии. У нас после этого случая, мы не стали его афишировать, такой в хирургии порядок и заведен. Скажите Сергей Иванович?

– Да, да, согласен. Вы всех операционных сестер вымуштровали Мария Ивановна, только вот… – тут заведующий увидел, что главный врач ему подает знак, чтобы больше ничего не говорил.

– Что, вы хотели сказать, – напряглась операционная сестра.

– Ничего, просто этот случай, прошедшей ночью, мы никак не можем объяснить. И чего только не думаем. Лучше расскажите, что дальше с Иван Ивановичем произошло.

– Изменился мой Ваня, после той операции. Видела я, что он всё себя винил в этой трагической нелепости. Както замкнулся в себе и когда мы в очередной раз собрались на квартире у Иван Ивановича, справляли его день рождения. Пили, веселились, тосты шли один за другим. Дело шло к свадьбе и местная администрация даже пообещала нам дать большую новую квартиру. Пошел он в туалет и пять минут проходит, нет его, десять минут, а он всё не выходит. Подошла я к двери туалета и зову его, не случилось ли, что, может плохо стало. Дернула ручку, дверь открылась, а мой Ваня, на сливном бачке, тогда еще бачки крепили высоко над полом, на своем ремне, висит и весь посинел уже. Заорала я, ничего не помню, сознание потеряла. Так и не стало моего

Вани.

– Да, дела. – главный сидел и размышлял, а потом вдруг спросил, – а этот случай когда был?

– Тридцать лет прошло, может чуть больше, его уже могилка почти вся с землей сравнялась, – задумалась Мария Ивановна, – никто за ней и не ухаживает, а мне не досуг, своих забот хватает.

– Ну, о нашем разговоре никому не рассказывайте, – главный врач выразительно посмотрел на старую медсестру, – будем разбираться. Идите, спасибо, за информацию.

Когда за Марией Ивановной закрылась дверь, врачи еще посидели некоторое время в молчании и, не придя ни к каким выводам, разошлись по своим отделениям. Валерий Николаевич только напоследок сказал, чтобы все непонятные случаи докладывали сразу ему. «А лучше, чтобы совсем больше ничего не происходило», – заметил он.

После этого случая больница стала работать в прежнем ритме. Никаких происшествий больше не происходило, но тут произошло очередное происшествие, не приведшее к трагическим последствиям.

Глава 3.
Чудеса продолжаются

«Нет безнадежных больных. Есть только безнадежные врачи».
Авиценна

После того трагического случая в больнице некоторое время было всё спокойно. Следствие не установило каких-то особых насильственных причин, приведшие к смерти больного. Судебные медики тоже не могли дать однозначного заключения. Никаких внешних причин физического воздействия не обнаружили и дали заключение, что у больного произошел послеоперационный психоз, возникший вследствие наркозной интоксикации. Просто другого заключения не могли дать и объяснить, каким образом больной оказался на полу с развороченным животом.

Для судебных медиков оказалось загадкой и исчезновение всех кожных швов. На теле остались только места вколов, а самого шелка не было. Как будто шовный материал испарился, хотя разрез на животе был приличных размеров и убрать все швы даже опытному хирургу потребовалось бы много времени.

А тут развороченный живот, море крови и труп без всяких признаков жизни. Решили, что в медицине всё быва-

ет и написали заключение, что сам больной свой живот разорвал при возникшем психозе. На этом все успокоились, но последующие события, произошедшие в больнице, еще больше поставили неясных вопросов.

Если раньше пропадали швы, катетеры, повязки и прочие хирургические принадлежности, то сейчас стали раны стремительно заживать, не те положенные семь-десять дней, когда снимали послеоперационные швы, а буквально на следующий день. При первой перевязке послеоперационная рана полностью заживала и в общем можно было выписывать больных домой, но хирурги не торопились с выпиской, да просто не верили этому чуду и после врачебного консилиума выдерживали пациентов положенное время в стационаре.

Да и не только в стационаре. На амбулаторном хирургическом приеме, после небольших хирургических операций на следующий день рана заживала полностью и бесследно, а у некоторых больных даже не оставалось следов после проведенной операции.

Пронаблюдав такие необычные явления в течение месяца, наш заведующий Сергей Иванович пришел в кабинет главного врача и изложил все свои соображения, в надежде, что главный врач, приведя в действие все свои административные рычаги, сумеет разобраться в этих чудесах в хирургии. Но главный тоже не мог дать вразумительного ответа.

– Знаешь, Сергей Иванович, ты сам разбирайся со своими хирургическими чудесами! Мне и своей административ-

ной работы хватает. Сейчас, вот прослышат люди, что у нас операции не оставляют следов на коже, так сюда потянутся все кому не лень. И так хирургия перегружена, коек не хватает, а тут все эти модницы начнут приезжать для косметических операций и всяких подтяжек. Да, кстати, вы разработали прейскурант платных услуг в хирургии.

– Да, у нас давно он разработан и вывешен на доске объявлений!

– Надо его пересмотреть и увеличить стоимость хирургических услуг. Бери местного экономиста больницы и пускай он обоснует поднятие цен на все услуги. Вон стоматологи, каждые полгода увеличивают стоимость своих протезов и ничего. А, вы хирурги, один раз сделали прейскурант и успокоились.

– Так к нам население за деньги не стремится попасть, всё норовит бесплатно.

– Свое население принимайте бесплатно, – заявил главный врач, – а вот те, кто приехал к нам из других районов или города, пускай за деньги лечатся. Ведь в городе морщины на лице бесплатно не убирают! Понял?

– Да, что не понять, Валерий Николаевич, сегодня же займусь этим прейскурантом. А если пройдут эти чудеса? Что будем делать?

– Вот когда пройдут, тогда и решим. А сейчас должны выгоду для больницы принести. Ты, то сам можешь объяснить, от чего это вдруг раны послеоперационные за один день за-

живляются?

– Откуда мне знать. Сам ничего понять не могу.

– Я уже грешным делом стал подозревать, что никаких и операций хирурги не делают, а тут самому пришлось оперировать больного, по поводу аппендицита, правда осложненный, перфорированный, ну там, в ране резиновые ирригаторы, выпускники и прочее, на следующий день пришел на перевязку, а рана полностью зажила. Сами же знаете, что после такой операции, больной несколько дней требует перевязок, а тут и выпускники резиновые куда-то делись, да от швов следов не осталось. Я вот тут прочитал про филиппинских хилеров. Даже выписку сделал, слушайте: «Хи́лер от английского языка – исцелять, народный целитель, якобы выполняющий хирургические операции без использования каких-либо инструментов, путём особых манипуляций рук. Деятельность хилеров не признаётся современной медициной, механизм воздействия на пациента полагается аналогичным действию плацебо, а видимое хирургическое проникновение в тело больного и мгновенное заживление места операции является манипуляцией»

– А, что звучит, – главный врач рассмеялся, – Сергей Иванович, заслуженный хилер района. Операции без наркоза и без швов. Гарантия на всю жизнь.

– Вам вот смешно, Валерий Николаевич, а мне не до смеха. Я вот, что думаю, а вдруг это всё прекратится?

– Что прекратится? – главный не понял мысль заведую-

щего.

– Ну, перестанет, это каким-то чудесным образом закончится это бесшовное заживление ран, и что же мы будем делать?

– Ничего не будете делать. Будете и дальше работать, как и работали. Вы же операции делаете явные, а не вытаскивайте из живота какую-то хрень. Что там хилеры-килеры вытаскивают из больных?

– Вот пишут, что «вне зависимости от конкретного исполнителя и места действия проведение операций имеет общие черты. Они состоят в том, что сначала хилер массирует пальцами область поверхности тела, собирая складку кожи. Далее создаётся впечатление, что его пальцы, погружённые в складку, проникают внутрь тела и выделяется некоторое количество крови. Из тела якобы достаётся некий органический материал. В конце подвергнутая воздействию поверхность кожи очищается от следов крови и никаких ран или шрамов не остаётся. Обычно дело обходится без практической хирургии, но иногда хилеры совершают реальные разрезы. В некоторых частях света, где сильна вера в суеверия типа сглаза и т. п., хилеры могут извлекать из тела пациента посторонние предметы вроде стекла, проволоки или ткани, объясняя их материализацией болезни».

– Да, дела, скоро, наверное придется менять вывеску на больнице. Убрать «Центральная районная больница» и заменить «Центральная хилерская больница». Нас тогда точно

в психушку отправят, для передачи опыта. Короче, продолжай оперировать, скоро я чувствую надо будет хирургию расширять. Устроим в терапевтическом отделении филиал хирургического отделения вместе с операционной и всех иногородних будем туда госпитализировать. Скоро к нам за передачей опыта начнут приезжать хирурги с области, а потом и со всей страны. Глядишь и медалькой наградят «За внедрение передового хилерского опыта в хирургии».

– Такой нет медали, Валерий Николаевич.

– Нет, так сделают. А мне, как главному врачу дадут звание заслуженного врача-хилера. Эх, заживем! А если серьезно, Сергей Иванович, у всех больных раны заживают быстро и независимо кто этих больных оперировал из хирургов?

– Абсолютно у всех хирургов. У нас их пять человек, со мной шесть, можно и вам попробовать, как бывшему хирургу прооперировать какую-нибудь грыжу и посмотреть, что же получится. Будет ли такое быстрое заживление?

– Надо попробовать, – согласился главный врач.

По просьбе главного врача, для него подготовили пятерых больных с различными грыжами. В основном это были все молодые парни, проходили диспансерный осмотр перед отправкой в армию и у них обнаружили эту хирургическую патологию. Для молодых людей это была отсрочка от армии, был весенний набор и многие думали, что благодаря операции их не возьмут в армию до осени, а там они поступят в высшее учебное заведение, и как говорится, от-

мажутся от службы.

Но не тут – то было. Главный врач с утра помылся и ушел оперировать. На каждую операцию он затрачивал около часа и где-то после обеда закончил всех оперировать, пообедал и ушел в свой кабинет. Утром, он уже по давно заведенной традиции пошел делать перевязки вместе с перевязочной сестрой и уже осмотр первого прооперируемого больного поверг в его изумление. Когда сняли повязку, то ничего под повязкой не обнаружили. Ни швов, ни обработанной раны, ни грыжи. Ни-че-го! Прооперируемая область была чистой, побритой и на ней не было никаких следов после операций.

Главный так и сел на стульчик, заботливо подставленный перевязочной сестрой.

– Позовите заведующего, – прохрипел он вмиг изменившимся голосом, – пускай Сергей Иванович придет в перевязочную.

Заведующий не заставил себя долго ждать. Он пришел и не проявил никакого удивления. За месяц он уже просто привык к этим необычайным явлениям.

– И у вас нет ничего, – посмотрел он на больного, на его девственно здоровый живот, – а, что я вам говорил. А не верили!

– Да, верил я, но не мог и представить до такой степени. Давайте всех остальных ребят по очереди, – приказал главный, – чертовщина какая-то получается. Получается, чем я

вчера полдня занимался? Ведь оперировал, от грыж молодых людей избавлял, к армии их готовил, а тут никаких следов. Какое заключение писать. Что мы в эпикризе напишем? Что прооперировали по поводу грыжи, а послеоперационного шва не видно. Я помню, что были случаи в моей практике, когда хирурги фальсифицировали операции, делали наружный кожный разрез и зашивали. В брюшную полость даже не лезли. А писали, что провели, чуть ли не резекцию желудка, что позволяло пацанам не идти в армию. За деньги, всё это делалось и немалые. И всё было шито-крыто. Никто даже не мог подкопаться, ведь послеоперационная рана есть? А тут …. Ничего.

Осмотр остальных прооперируемых больных тоже не дал ничего. У всех на животе не осталось никаких следов после операции. Грыж тоже не было. Все ребята были абсолютно здоровы.

– Надо посоветоваться с вышестоящим начальством. Пригласить главного хирурга области, из администрации больничной, пускай чиновники сюда приедут и сами всё увидят, – главный задумался, – всех моих прооперирумых в отдельную палату, ни в коем случае не выписывать, пускай дурака валяют, положенные шесть-семь дней. Будем ждать областное начальство. Пускай они решают, как эти чудеса можно охарактеризовать. И вправду мы в хилеров превратились! Да, еще. Сергей Иванович, у нас будут плановые операции по поводу язвенной болезни желудка, или там желчного

пузыря, чтобы со всеми рентгеновскими снимками, с язвами и камнями в желчных протоках? Готовь их на какой-нибудь день и желательно, чтобы операции состоялись во время приезда наших высокопоставленных гостей, пускай они сами посмотрят и убедятся.

– А вдруг, все эти чудеса кончатся? – засомневался заведующий.

– Не кончатся, – главный махнул в знак протеста рукой, – чует мое сердце, что скоро здесь больных будет, как паломников для осмотра чудотворных мощей или во время хаджа в Мекку. Повалит народ, как там, у Булгакова старушка приехала смотреть говорящую собачку, так и у нас смотреть на моментальной выздоровление. Да и надо, чтобы кто-нибудь из областных хирургов сам прооперировал, а то не поверят, все наши высокопоставленные особы.

– А ребят готовить к выписке?

– Я же сказал, пускай находятся в стационаре, до приезда наших гостей. Они же в армию не хотят, вот пускай и лечатся. Хотя, что я говорю, им даже перевязки делать не надо, но в тоже время надо давать отсрочку от армии.

Молва о том, что у прооперируемых пяти молодых людей самим главным врачом не осталось никаких следов после операции, распространилась со скоростью звука по всему району. Одни говорили, что это чистая брехня, другие верили в чудеса. Да и родители призывников, побывавшие в больнице проведать своих детей тоже говорили, что ника-

ких грыж не осталось и следов после операций тоже.

– Настя, ты помнишь у нашего Ваньки была паховая грыжа, как третье яйцо выпирало, – сокрушался один из родителей, – так нет ничего. Ни грыжи, ни следов после операции. Хотя сам главный врач оперировал. Сутки из операционной не вылазил. Теперь моего сына точно в армию загребут.

– Да, ты Семен, специально сына в больницу пристроил, чтобы отмазать от армии, а сейчас не рад, что он здоров!

– Окстись, Настя, – мой сын, как раз и хотел идти в армию, а его в хирургию положили, оперировать. Вот и прооперировали. Говорят по особой хилерской методике. Без разрезов и швов. Сейчас в город повезут, показывать его будут, как ценный музейный экспонат!

– Заспиртуют и в банку поместят! Ладно, врать-то!

– Ну и хрен с тобой, можешь не верить.

Такие разговоры шли по всему району. Главному врачу постоянно звонили коллеги из других больниц. Заведующий хирургией клялся и божился, что все операции проводились, нет никаких подтасовок, всё по честному, есть даже записи операций в историях болезнях, протоколы операций и есть сами прооперируемые, которые могут подтвердить, что находились на операционном столе столько-то времени и им убирали грыжи. Тут стали вспоминать все случаи быстрого выздоровления. Пустили слух, что в больнице есть животворящий источник с волшебной водой и если воду эту попить перед операцией, то всё заживает как на собаке. Толпы лю-

дей повалили в больницу с ведрами, бидонами и прочими емкостями. Запасались впрок волшебной водой. Пока не выяснили, что вода поступает из одного общего районного водопровода и везде она одинаковая. Но почему-то в больнице начинает обладать сверхъестественными свойствами.

Все с нетерпением ждали приезда высокой комиссии из города. И наконец чиновники с ведущими областными хирургами прибыли в районную больницу поздно вечером. Они приехали так быстро, что даже для главного врача это было полной неожиданностью. Обычно их никаким калачом не заманишь в деревню, а тут целый врачебный десант прибыл. Их поселили в гостиницу. Отдали распоряжение, чтобы готовили больных к операции. Там уже образовалась целая очередь из жаждующих сразу избавиться и от язвенной болезни желудка, и от камней в печени и почках, даже одна беременная дамочка потребовала, чтобы ее прооперировали раньше срока, на, что ей было указано, что когда срок подойдет, тогда и прооперируем.

Глава 4.
Заключение комиссии

Утром скорая помощь подошла к гостинице в ожидании областных гостей. Администратор гостиницы сказала водителю скорой, что гости давно уже встали, позавтракали в буфете и уже спрашивали, когда за ними приедет машина.

В этот раз в составе комиссии был сам заместитель заведующего облздравотдела по лечебной работе, уже лет двадцать работающий на этой должности. Вторым был освобожденный главный хирург области, много лет проработавший в хирургических стационарах, защитивший докторскую диссертацию, имеющий огромный стаж работы по хирургии. Вместе с ними приехал и заведующий хирургическим отделением областной больницы, его и взяли с целью, чтобы он сам прооперировал больных и убедился в чудесах, происходящих в местной больнице. Также взяли и заведующую организационно-методическим отделом, тоже врача со стажем, имеющей большой опыт практической работы. Вся комиссия была солидная, случайных людей не было в ее составе. А главное это были бывшие практические врачи, а не чиновники, ни разу не видевшие живого больного. Каждый имел большой опыт работы в практическом здравоохранении и не понаслышке знал медицину.

Гости погрузились в машину скорой помощи и через несколько минут они все входили в кабинет главного врача.

– Ну, здравствуй Валерий Николаевич, – заместитель заведующего облздрава по хозяйски зашел в кабинет и приобнял главного врача, – давно я у тебя не был. А помнишь, раньше-то вместе начинали работать, а жизнь как разбросала. Пора уже и про пенсию думать, а тут, какая может пенсия, если у нас под боком такие чудеса приключаются. Рассказывай, всё, без утайки. Мы уже такого наслышались, что не знаем, во что верить. Вот сразу к тебе и приехали.

– Да, что рассказывать Петр Васильевич, я и сам не могу ничего понять, – только и сказал главный, – какие-то чудеса приключаются, что я и сам до вчерашнего дня не знал, как это всё объяснить.

– Вот так всё и объясняй. По порядку.

– В начале у наших прооперируемых больных стали пропадать швы, ирригаторы, повязки после операций. Мы, както и внимания не обращали. Думали, что так и должно быть и особо не заворачивались. Потом прооперировали одного больного, сделали ему резекцию желудка. Все было нормально. Дежурный врач его смотрел в два часа ночи, а в четыре часа его нашли на полу с полностью разорванным животом, мертвым, все кишки на полу, крови море. Кто только его не смотрел. Ничего не могли понять. Судебные медики так ничего вразумительного и не сказали. Посчитали, что у больного был послеоперационный психоз и он сам с собою это

натворил.

– Живот разорвал? – поинтересовался главный хирург области, – это каким же образом?

– Выходит, что сам, Виктор Иванович, другого объяснения мы и не нашли, – главный посмотрел на комиссию и увидел, что все на него смотрят с недоверием, – ну, честно, так и все было. Вон перед Маргаритой Павловной лежат документы по вскрытию этого больного, ну, в общем, всё, что для вас надо.

Заведующая организационно-методическим отделом, взяла в руки папку со всеми заключениями и стала внимательно просматривать документы.

– Ну, а дальше, что произошло? – Петр Васильевич с нетерпением посмотрел на своего коллегу, – мы тут другого наслышались, что у вас все больные после операций не имеют никаких швов и от операции не остается никаких следов.

– Да, так и есть, – Валерий Николаевич, поежился в своем кресле, – я несколько дней назад сам лично прооперировал пятерых ребят, призывников в армию, по поводу грыж, и на следующий день не обнаружил ни швов, ни грыж, вообще ничего. Как будто я их и не оперировал. Они сейчас все в отдельной палате вас дожидаются.

– Обязательно посмотрим, – заместитель заведующего посмотрел на врачей и спросил, – а вы нам подготовили больных для операций?

– Конечно приготовили, двух человек, Сергей Петрович

может идти в операционную мыться, ребята из хирургии уже звонили и сказали, что первого больного уже приготовили, – главный врач поднял телефонную трубку и попросил секретаршу, чтобы проводила хирурга в хирургическое отделение.

– Я уже у вас был, как-то, лет пять назад, – сказал Сергей Петрович, – надеюсь, вы хирургию не переместили в другое место.

– Нет, всё равно вас проводят, – главный показал знаками секретарше, заглянувшей в кабинет, чтобы проводила гостя.

Сергей Петрович по-хозяйски уверенно пошел в сторону хирургического отделения. Ему уже не впервой приходилось оперировать больных в различных районах области. Его обычно приглашали на сложные операции, обходя санавиацию, по личной договоренности между главными врачами. Если квалификация хирургов была недостаточно высокой и они чувствовали, что не справятся с операцией, здесь Сергей Петрович был незаменим. Сам превосходный оператор, проделавший тысячу операций при любой патологии человеческого организма, всегда помогал своим коллегам и его операции являлись своеобразными курсами по повышению квалификации и приносили неоценимую пользу. Во время операций, он не только виртуозно владел хирургической техникой, но и умудрялся рассказывать, что и почему он делает именно в этот момент. Можно сказать, что его операции были своеобразным праздником и уроком для любых хирургов. Еще в те далекие времена, когда он начинал только ра-

ботать в районной больнице, после интернатуры, к нему приезжал точно такой же заведующий хирургическим отделением, каким он сейчас является и показывал ему, как оперировать, как вести хирургических больных, как вообще поступать в тех или иных случаях. И он запомнил на всю жизнь, что надо всегда учиться и постигать все навыки хирургии у более старших и опытных товарищей.

Другой приглашенный хирург, Виктор Иванович, тоже был в свое время великолепным хирургом, но с годами ушел больше в административную деятельность, сказались далекие травмы кистей рук, полученные в молодости и очень редко брался за сложные операции. Если только, кто его не попросит из областной администрации или очень близкие знакомые и то, он всегда говорил: «Да, я хороший хирург, но поймите уже редко оперирую и с этой работой лучше справится настоящий практик, а я лучше посижу в операционной и подскажу, что надо в любой момент!» Этого было достаточно для больных и они соглашались.

Но сейчас был необычный случай для Сергея Петровича. Его пригласили оперировать настоящего планового больного, и главное убедиться в том, что как необычно проходит заживление послеоперационной раны. Для этого и подготовили двоих больных, с целью большей достоверности своеобразного эксперимента: один с язвенной болезнью желудка, а второй с плановой паховой грыжей. Сейчас он должен был прооперировать больного с грыжей под местной анесте-

зией, а потом с двумя местными хирургами провести резекцию желудка.

В операционной всё было готово. Больной уже лежал на столе и ассистирующий хирург дожидался областного светилу. Быстро помылся, оделся, Сергей Петрович приступил к операции и уже первые действия привели его в изумление. При разрезе у больного, сразу же появившаяся кровь моментально свертывалась и не было никакого кровотечения. Не надо было накладывать никаких зажимов и останавливать кровотечение. Пластику грыжевого мешка Сергей Петрович сделал буквально за десять минут и главное, что потребовалось минимум новокаина, больной совсем не чувствовал совершенно боли.

«Чертовщина, какая-то, – подумал областник и подняв глаза увидел, что ассистирующий ему хирург показывает своим выражением лица, что, мол, видите какие чудеса!»

Сергей Петрович только под конец операции, когда стал накладывать кожные швы, спросил: «И давно это у вас наблюдается?» На, что ему ответили, что как раз после того несчастного случая, все операции идут отлично и всё заживает первичным натяжением, вернее всё как-то собой заживает, без операционных рубцов.

Больного увезли в палату и вскоре привезли второго больного, с язвенной болезнью. Для этой операции помылся еще один хирург, пришел анестезиолог с анестезисткой и стали настраивать свою аппаратуру. Надо было давать эндотрахе-

альный наркоз.

Всё было готово для операции. Дали наркоз и Сергей Петрович приступил ко второй операции. В это время в операционную зашел Виктор Иванович, одетый в операционную одежду и встал недалеко от операционного стола. Ему уже успели сообщить, что при разрезе кожи не было никакой крови и он решил сам удостовериться в этом.

Операция началась. Крови при разрезе выступило столько мало, что как и в первой операции, хирург не накладывал никаких зажимов. Выделив желудок, произвел типичную резекцию и стал зашивать живот. Рана не кровоточила. Приготовленная донорская кровь и не понадобилась для такой обширной операции. Уже просто по привычке перелили один флакон с кровью, а больше просто не было смысла.

Закончив операцию, наложили повязку на рану, вывели больного из наркоза и отправили в палату интенсивной терапии, куда обычно помещали всех больных.

В ординаторской сел Сергей Петрович записывать весь протокол операции, к нему присоединился и Виктор Иванович.

– Ну, что скажешь, Петрович? Как тебе операции? Ничего необычного не было?

– Да, как не было Виктор Иванович! Неужели, вы сами не видели. Крови – то не было! Я уже грешным делом подумал, такая мысль пришла, не на трупе ли я оперирую? Помнишь, на топочке мы на трупах операции отрабатывали, еще

на четвертом курсе.

– Как не помнить! Студенческие годы я никогда не забываю. Как будто вчера всё было.

– А сегодня даже жутко становилось. Только смотрю, что наркозный аппарат работает, больной дышит, а крови нет, давление в норме, анестезиолог не паникует, только и говорит: «Вы, работайте, всё нормально!» Надо всё это в протокол операции записать о наших наблюдениях.

– Я вот вспоминаю, Сергей Петрович, что-то у меня было в практике, когда больной поступил с внушительной кровопотерей. Боялись со стола не снимем. Кое-как давление нормализовали. Тоже крови было мало, но она же была! А тут?

– Только собираюсь кровоточащий сосуд перевязать, как кровь сама останавливается. Все зажимы так и остались невостребованными. Я для приличия, вначале несколько зажимов наложил, а потом понял, что ни к чему все эти манипуляции, только время тратить.

– Завтра посмотрим, что у них там случилось с операционной раной? Мне уже самому интересно.

– А как там наши начальники?

– Да, ходит Петр Васильевич с Маргаритой Павловной по больнице, пока ты оперировал. Они с главным врачом смотрели пятерых прооперированных ребят. Что они там увидели, скоро от них услышим. Нас на обед приглашает главный врач. Давай, быстрее заканчивай и пойдем.

Хирурги вышли из ординаторской, Сергей Петрович по-

просил у постовой медсестры, провести его в палату, где поместили прооперированных больных. Больной с грыжей лежал в кровати и улыбался, ему уже сказали, что его оперировал областная знаменитость и на вопрос: «Как себя чувствуете?», поднял обе руки с вытянутыми большими пальцами и сказал: «Отлично, доктор!»

Второй прооперируемый только отошел от наркоза и спрашивать у него о его состоянии было просто бесполезно.

– Ладно пойдем, Виктор Иванович, завтра утром посмотрим наших больных и эти швы, если они только будут на месте.

Хирурги пошли в кабинет главного врача. Там уже был накрыт стол со всеми закусками. Ждали только их. Заместитель заведующего выразительно посмотрел на Сергея Петровича и спросил:

– Ну, как прошли операции? Ничего необычного не заметили?

– Операции, как операции. Всё в штатном режиме. Только вот крови после разрезов кожных почти совсем не было.

– Как это не было? Что-то же должно выделяться?

– В том-то и дело, Петр Васильевич, при кожном разрезе кровь почти не выделяется, и не надо никаких кровоостанавливающих зажимов накладывать. Как заметил Виктор Иванович, как на трупе препарировали, а не на живом человеке. Сами удивляемся.

– Ну, мы тоже с Маргаритой Павловной чудес повидали. Если бы не Валерий Николаевич и записи протоколов операций, то ни за, что бы не поверили, что этих больных оперировали. Никаких следов после операций! Завтра посмотрим на твоих прооперируемых.

– Да, мне уже и самому интересно посмотреть, – заметил Сергей Петрович, – столько лет работаю, но, чтобы не оставалось никаких следов после операций, что-то не помню. Это же только у филиппинских хилеров бывает. Видел я этот документальный фильм. По моему мнению, великолепная подделка, хотя очевидцы рассказывают, что эти хилеры и на самом деле, что-то там оперируют и главное больные выздоравливают после этих процедур. Особая зона там? А теперь и здесь образовалась. Подождем до завтра. Сейчас я не готов давать преждевременных выводов, но чувствую, что и у нас не будет никаких послеоперационных швов.

– Дорогие гости, – вступился в разговор Валерий Николаевич, – на правах хозяина, позвольте вам предложить немного выпить коньячку. А даме на выбор любого вина. А то я и не знаю, чем вас угощать. Сами выбирайте.

Откуда-то из-под стола главный врач выкатил небольшой столик на колесах уставленный различными спиртными напитками. Чего только там не было? И виски, и коньяк, и водка, и прочие заморские вина. На любой вкус. Все посмотрели на Петра Васильевича, ожидая от него одобрения или полного отказа от спиртного. Но тот увидел в глазах подчинен-

ных ожидание, улыбнулся и сказал:

– Чего замолкли, расслабьтесь, да, наливайте, что хотите, рабочий день уже кончился, а обижать нашего дорогого хозяина мне кажется неудобно.

Эти слова быстро сняли напряжение за столом. Мужчины открыли бутылки и разлили алкоголь по рюмкам и фужерам. Обед начался. Главный врач сказал небольшой тост за здравие комиссии и понадеялся, что все чудеса в клинике скоро прекратятся и больница начнет работать в прежнем ключе. На, что Петр Васильевич отреагировал моментально:

– Нет, пускай у вас всё остается, как есть! Мы здесь откроем школу передового опыта, пригласим журналистов, пусть они раскопают какую-нибудь чудесную воду, способствующую заживлению, или что – нибудь с экологией будет связано, природой наконец. Кстати у вас есть промышленные предприятия в районе, Валерий Николаевич?

– Конечно есть. Э… мясокомбинат, молочный комбинат, завод по ремонту сельхозтехники, да кирпичные заводы, кажется целых два.

– Значит есть вредные выбросы в атмосферу?

– Ну, как сказать, санэпидстанция постоянно проводит контроль!

– Вот именно, контроль и правильное использование всевозможных фильтров против выброса вредных веществ в воздух. Поэтому здесь и у больных все раны заживают быстро и надо ваш район сделать новатором в защите окру-

жающей среды. Завтра посмотрим, что у этих больных, тобой Сергей Петрович, прооперируемых. Доложу всё в области по результатам проверки.

– Может не надо, Петр Васильевич? – засомневался главный врач, – к чему привлекать к нам излишнее внимание.

– Надо, обязательно надо, и чем быстрее мы ваш район раскрутим, тем будет лучше. Ведь не от божественных явлений у вас раны так быстро заживают.

– А может и от божественных сил? – вступила в разговор Маргарита Павловна. Вот мы сегодня зашли в хирургическое отделение и какая-то приятная атмосфера в стационаре. Увидела икону Святого Пантелеймона, а от нее, или мне показалось, какое-то свечение идет, благодать исходит, у меня было такое состояние, когда я была в Иерусалиме в Храме Гроба Господнего. Даже не могу словами передать. Может, и вправду покровительствуют им божественные силы.

– Может, и покровительствуют, – сказал Виктор Иванович, – но как вы можете объяснить этот случай с больным после операции, с разорванным животом? Где были на тот момент божественные силы?

– Не исключено, что это может повториться, – вмешался главный врач, – а мы тут школу передового опыта откроем. Может, подождем немного? Всё утрясется и не будет больше проходить здесь никаких чудес. Как вы считаете Петр Васильевич?

– Да, я как-то и забыл о том страшном случае. Все доку-

менты просмотрел. Судебные медики не знают от чего это всё произошло, – Петр Васильевич на минуту задумался, – ладно подождем. Завтра во сколько у вас будет перевязка в хирургии.

– В десять часов, можем и раньше, – главный врач поднял трубку телефона с намерением позвонить.

– Нет, никого не предупреждайте. Пусть будет, всё как всегда. Не надо делать сенсации преждевременно. Ну, я думаю, что нас сейчас отвезут в гостиницу, ну а завтра, с утра все в перевязочную.

Гости закончили обед. Скорая помощь всех отвезла в гостиницу.

Глава 5.
Отъезд комиссии

Уже в девять часов утра скорая забрала из гостиницы комиссию и доставила ее в больницу. Главный врач был уже на месте. После вчерашнего разговора со своим начальством он не хотел, чтобы его район привлекал к себе большого внимания со стороны областных руководителей. Валерию Николаевичу всё казалось, что эти чудеса должны кончиться и именно сегодня решится вопрос с его больницей.

Но, когда больного с грыжей пригласили на перевязку и сняли повязку, то под ней ничего не обнаружили. Только остались следы от клея, на которую была прикреплена повязка, да еще небольшие следы от обработки кожной поверхности йодом. В остальном никаких швов, никаких следов разрезов комиссия не обнаружила. Сергей Петрович, как оперирующий хирург, так и сел на подставленный ему стул и только смог произнести:

– Ну и дела. Столько лет оперирую, но такого еще ни разу в моей практике не было. Как будто я и не оперировал. Коллеги, ущипните меня, может мне всё это снится?

– Да, успокойтесь, уважаемый коллега, – вмешался Петр Васильевич, – давайте сейчас второго больного посмотрим. Ему же ходить после такой операции не желательно, хотя я

уже слышал, что сестры постовые говорят, что он уже с вечера ходил по стационару и самостоятельно дошел до туалета. Его никак не могли уложить в кровать. Он сказал, что чувствует себя превосходно и не собирается лежать в стационаре положенный срок. Вы, же таких больных на какой день выписываете, Валерий Николаевич?

– На девятый, десятый день, в зависимости, как рана заживает, потом он амбулаторно долечивается и ему еще инвалидность оформляют, – пояснил главный врач, – тут уже на усмотрение хирургов и лечащего доктора. Мало ли каких осложнений не бывает.

– Но всё равно коллеги, не будем нарушать традиций. Пойдем смотреть больного в палате. Скажите перевязочной сестрой, чтобы с нами шла.

Петр Васильевич пошел в палату, а за ним потянулись члены комиссии. На кровати лежал счастливый прооперируемый больной и было видно по нему, что его ничего не беспокоит и ни на, что он жаловаться не намерен. Но Сергей Петрович не стал изменять традиции и задал дежурный вопрос, который он тысячи раз задавал у прооперируемых больных: «Как самочувствие, больной?»

Про больного на кровати нельзя было и подумать, что он вчера перенес тяжелейшую операцию. Обычно таких больных держат по два-три дня в палатах интенсивной терапии, а тут на них смотрел совершенно здоровый мужик с румянцем на все щеки и что-то оживленно беседовал с соседом

по палате.

– Доктор, я себя чувствую хорошо. Ничего у меня не болит. Только есть очень сильно хочу. Истосковался я по нормальной пище. Из-за этой проклятой язвы и поесть толком не мог.

– Сейчас посмотрим состояние вашей послеоперационной раны и будет понятно, как дальше вас будем лечить, – Сергей Петрович присел на кровати больного и попросил у перевязочной сестры, чтобы она сняла повязку.

То, что увидели Сергей Петрович и остальные члены комиссии вместе с главным врачом больницы, повергло всех в небольшой шок. Под повязкой открылась операционная рана, по крайней мере, так она должна была называться. В области предполагаемого разреза никакого разреза со швами не было. Только, как и у предыдущего больного, следы клея и йода. Живот был абсолютно чистый, без всяких изменений, покраснений, напряжений, абсолютно мягкий при пальпации. Разреза в пол – живота не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.